

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr. General
27 September 2019
Russian
Original: Spanish

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола
относительно сообщения № 2541/2015* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Марией Долорес Мартин Посо (представлена адвокатом Антонио Ортисом Фернандесом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Испания
<i>Дата сообщения:</i>	28 июля 2014 года
<i>Справочная документация:</i>	решение в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству- участнику 23 января 2015 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	18 июля 2019 года
<i>Тема сообщения:</i>	право на презумпцию невиновности, надлежащую правовую процедуру и слушание дела во второй инстанции
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты, рассмотрение в соответствии с другой международной процедурой
<i>Вопросы существа:</i>	право на пересмотр дела, право на презумпцию невиновности и надлежащую правовую процедуру, право на разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом
<i>Статьи Пакта:</i>	статья 9, пункты 1 и 3; 14, пункты 1, 2, 3 и 5; и 26
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2, 3 и 5, подпункты а) и б) пункта 2

* Приняты Комитетом на его 126-й сессии (1–26 июля 2019 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Танья Мария Абдо Рочоль, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Гентриан Зюбери, Эрнан Кесада Кабрера, Бамариам Койта, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Василька Санцин, Элен Тигруджа, Ахмед Амин Фатхалла, Сюити Фуруя, Кристоф Хейнс, Андреас Циммерман и Юваль Шани.

1. Автор сообщения является Мария Долорес Мартин Посо, совершеннолетняя гражданка Испании. Она утверждает, что Испания нарушила ее права, защищаемые статьями 9, пункты 1 и 3; 14, пункты 1, 2, 3 и 5; и 26 Пакта. Автор представлена адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 25 апреля 1985 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор и ее бывший супруг были в законном порядке разлучены на основании постановления суда от 16 апреля 2003 года, по которому опека и попечительство над дочерью, рожденной в их браке, были возложены на автора. 28 марта 2006 года бывший супруг автора подал в мадридский суд первой инстанции № 24 заявление о разводе с требованием возложить на него опеку и попечительство над их дочерью.

2.2 Устное слушание в рамках бракоразводного процесса состоялось 24 января 2007 года. Выходя из зала, где проводилось слушание, автор сообщения, которая не могла смириться с мыслью о том, что она лишится опеки над своей дочерью, пригрозила своему бывшему супругу, сказав следующее: «Я должна увидеть тебя мертвым». 31 января 2007 года прокуратура распространила заключение, в котором рекомендовала возложить опеку над общей дочерью на отца, не оговорив при этом порядок посещения ребенка матерью. В тот же день примерно в 20 ч 30 мин машину, которой управлял бывший супруг автора, обогнал автомобиль, который при этом резко затормозил. Бывшему супругу автора удалось объехать возникший у него на пути автомобиль и продолжить движение, после чего этот автомобиль ударил его машину сзади. В конце концов бывшему супругу автора удалось оторваться от преследования.

2.3 14 марта 2007 года бывший супруг автора сообщения был застрелен в гараже своего здания.

2.4 Во время судебного расследования телефон автора прослушивался. 17 апреля 2007 года власти записали телефонный разговор между автором и Председателем Конституционного суда, в ходе которого две женщины, которые знали друг друга, обсуждали ход судебного разбирательства по делу автора. Следственный судья посчитала, что состоявшийся разговор может представлять собой нарушение статьи 441 Уголовного кодекса, запрещающей судьям консультировать частных лиц, и 26 мая 2008 года направила во Вторую палату Верховного суда «мотивированное заключение». Перед лицом этих фактов член Генерального совета судебной системы Страны Басков выступил против автора и ее собеседницы, заявив, что такое поведение является явно противоправным. 2 июня 2008 года Верховный суд постановил прекратить разбирательство, возбужденное после получения мотивированного заключения, на том основании, что в приводимых фактах нет состава преступления.

2.5 20 мая 2008 года автор сообщения, а также два других обвиняемых, предположительно являющихся непосредственными соисполнителями убийства, были арестованы и помещены в следственный изолятор.

2.6 23 октября 2009 года пятнадцатая секция Провинциального суда Мадрида приняла постановление о передаче дела в Следственный суд № 5 в Вальдемооро и о его рассмотрении следственным судьей в соответствии с процедурой рассмотрения дел коллегией присяжных. Это постановление было обжаловано прокуратурой, однако пятнадцатая секция 30 ноября 2009 года отклонила эту апелляцию. 29 декабря 2009 года прокуратура подала апелляцию на это постановление в Уголовную палату Высокого суда Мадрида. 11 января 2010 года Провинциальный суд Мадрида принял постановление об отклонении этой апелляции. 18 января 2010 года прокуратура обжаловала это постановление в Высоком суде Мадрида, который в тот же день эту апелляцию отклонил. 22 января 2010 года прокуратура подала новую апелляцию в Палату по гражданским и уголовным делам того же Высокого суда. 12 февраля 2010 года Провинциальный суд распорядился подготовить для представления Высокому суду доклад в связи с отклонением апелляции прокуратуры по постановлению от 11 января 2010 года. По словам автора, никаких дополнительных уведомлений или постановлений в отношении этой апелляции ею получено не было.

2.7 По завершении расследования дело было передано в четвертую секцию Провинциального суда Мадрида для его рассмотрения коллегией присяжных. Генеральная прокуратура оспорила решение о применении процедуры рассмотрения этого дела коллегией присяжных; Провинциальный суд поддержал эту апелляцию, приняв 7 июля 2010 года постановление, в котором предписывалось рассмотрение этого дела профессиональным судебным органам в порядке упрощенного производства. Это постановление было обжаловано автором в Высоком суде. 6 апреля 2011 года суд принял окончательное решение об отклонении этой апелляции. Четвертая секция Провинциального суда 27 апреля 2011 года вернула дело в Следственный суд № 5 Вальдеморо для того, чтобы тот провел его рассмотрение в порядке упрощенного производства, поскольку расследование было проведено в соответствии с процедурой рассмотрения дела коллегией присяжных. В соответствии с постановлением от 6 апреля 2011 года дело теперь предстояло рассмотреть в Провинциальном суде.

2.8 22 декабря 2011 года Провинциальный суд Мадрида приговорил автора к 17 годам, 6 месяцам и 1 дню лишения свободы за убийство при отягчающих обстоятельствах, связанных с наличием родственных связей; к 3 годам, 9 месяцам и 1 дню лишения свободы за покушение на убийство¹; и к 1 году, 2 месяцам и 1 дню лишения свободы за преступление, связанное с угрозами.

2.9 Автор подала кассационную жалобу на постановление Провинциального суда, утверждая, что судебное разбирательство по ее делу было неоправданно затянуто, что принцип презумпции невиновности не был в ее случае соблюден, что к ней не следовало применять положение об отягчающем обстоятельстве, связанном с наличием родственных связей, и что ее следовало судить коллегией присяжных.

2.10 20 сентября 2012 года Верховный суд оставил в силе постановление Провинциального суда. Верховный суд счел, что продолжительность судебного процесса не была чрезмерной, объяснялась сложностью дела и временем, необходимым для определения компетенции суда (коллегии присяжных или Провинциального суда) в связи с разным характером преступлений, совершенных в контексте данного дела. Он также пришел к выводу о том, что принцип презумпции невиновности автора был соблюден, что коллегия присяжных не обладает юрисдикцией в отношении дела автора и что положение об отягчающем обстоятельстве, связанном с наличием родства, было применено Провинциальным судом правильно.

2.11 31 октября 2012 года автор подала в Конституционный суд ходатайство о применении процедуры ампаро. Она утверждала, что принцип презумпции невиновности в ее случае был нарушен, поскольку единственным использованным в ее деле доказательством были обвинительные показания одного из сообвиняемых и что рассмотрение отношений между автором и ее бывшим супругом в качестве отягчающего обстоятельства носит дискриминационный характер, поскольку она была разведена с жертвой. 3 апреля 2013 года Конституционный суд отклонил ходатайство о применении процедуры ампаро на том основании, что нарушения одного из основных прав, которое может быть защищено с помощью процедуры ампаро, допущено не было.

2.12 2 сентября 2013 года автор подала жалобу в Европейский суд по правам человека. 12 декабря 2013 года Европейский суд признал апелляцию неприемлемой, поскольку она не отвечала требованиям, которые прописаны в статьях 34 и 35 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека).

Жалоба

3.1 Автор считает, что государство-участник нарушило ее право на презумпцию невиновности и на надлежащее судебное разбирательство в нарушение пунктов 1 и 2 статьи 14 Пакта. Кроме того, учитывая, что в ходе судебного разбирательства автор

¹ Факты, связанные с покушением на убийство, изложены в пункте 2.2 выше.

содержалась в предварительном заключении, она считает, что те же самые факты свидетельствуют и о нарушении пункта 1 статьи 9. В частности, ее право на презумпцию невиновности не было соблюдено, поскольку не было доказательств вины, оправдывающих ее осуждение. Единственным доказательством были показания обвиняемого ESB, который впоследствии был осужден как непосредственный исполнитель убийства, что не отвечает минимальным требованиям, предъявляемым к доказательствам. В этой связи автор отмечает, что показания ESB были неточными и неконкретными и были сочтены судом противоречивыми и лживыми, что привело к оправданию другого обвиняемого (CMG), который проходил по этому же делу. Кроме того, давая свои показания, обвиняемый ESB стремился оправдать свои действия и добиться сокращения тюремного срока путем квалификации признания в качестве смягчающего вину обстоятельства, что ему и удалось, поскольку запрошенный прокуратурой срок наказания был сокращен с 39 лет до 13 лет и 1 дня тюремного заключения. Сам Провинциальный суд, говоря об этом обвиняемом, охарактеризовал его действия как «частичное сотрудничество» со следствием. По мнению автора, тот факт, что показания обвиняемого ESB против нее и обвиняемого CMG не были приняты во внимание по отношению к последнему, но сочтены доказательством в отношении автора, свидетельствует о неравном обращении. Автор утверждает, что, согласно применимому законодательству, показания обвиняемых, строго говоря, не являются надлежащим доказательством, поскольку обязательство говорить только правду, которое возлагается на свидетелей, к ним не применимо (эти показания не даются под присягой). В соответствии с применимым национальным законодательством и прецедентным правом, для того чтобы такие показания имели доказательственную силу, должны быть соблюдены и другие требования, такие как отсутствие мотива (например, намерения добиться более благоприятного процессуального режима или оправдания) и необходимость того, чтобы участие ответчика во вменяемых в вину действиях было подтверждено другими доказательствами. В данном случае другими доказательствами, использованными судом для подтверждения данных показаний, являются угрозы автора в адрес ее бывшего супруга, прозвучавшие 24 января 2007 года, и наличие у автора предполагаемого мотива, состоящего в споре между автором и ее супругом по поводу опекуна над их дочерью. По мнению автора, это не те элементы, которые подтверждают ее участие в событиях. Автор подчеркивает, что, согласно обвинительному приговору, доказать, что автор выплатила какое-то вознаграждение непосредственному исполнителю убийства, не удалось и поэтому невозможно доказать ее причастность к этим деяниям. Наконец, автор считает, что полицейское расследование не было проведено надлежащим образом, так как необъяснимым образом не были приняты во внимание иные версии случившегося, указывавшие на то, что к первому покушению на убийство могла быть причастна опасная преступная банда. По мнению автора, это является нарушением ее прав на надлежащую правовую процедуру и презумпцию невиновности, закрепленных в пункте 1 статьи 9 и пунктах 1 и 2 статьи 14 Пакта.

3.2 Автор также считает, что она подвергалась неравному обращению перед законом и дискриминации в нарушение пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Пакта. Автор отмечает, что приговор ей был вынесен с учетом отягчающего обстоятельства из-за того, что она была супругой покойного, несмотря на то, что они были разведены и все отношения между ними были прекращены. Суд счел такое отягчающее обстоятельство применимым, поскольку источником спора, послужившего мотивом преступления, была супружеская связь. По мнению автора, столь широкое применение этого отягчающего обстоятельства равносильно тому, что на подсудимого навечно может быть поставлено клеймо, в силу чего существует вероятность того, что ему может быть вынесен более суровый приговор, чем другому лицу, за те же деяния. Таким образом, применение этого отягчающего обстоятельства представляет для автора дискриминационное к ней отношение. Кроме того, автор подчеркивает, что это отягчающее обстоятельство было применено к ней в соответствии с Уголовным кодексом с поправками, внесенными 29 сентября 2003 года, несмотря на то, что супружеские узы между автором и покойным были расторгнуты в 2001 году, т. е. до вступления в силу этого кодекса. Таким образом, применение в деле автора этой

поправки к Уголовному кодексу противоречит принципу отсутствия обратной силы у наиболее неблагоприятной уголовной нормы законодательства.

3.3 Автор также утверждает, что ее дело не рассматривалось компетентным, независимым и беспристрастным судом в нарушение пункта 1 статьи 14. Автор считает, что имело место явное отсутствие беспристрастности как со стороны следственного судьи, так и со стороны суда, вынесшего приговор, – Провинциального суда. О предвзятости следственного судьи свидетельствует тот факт, что она представила в Верховный суд мотивированное заключение, основанное на установленном в ходе расследования факте телефонного разговора, который никакого отношения к этим событиям не имел. Этим действием следственный судья продемонстрировала отсутствие у нее беспристрастности по отношению к автору. Кроме того, вызывает сомнения и беспристрастность Провинциального суда, поскольку судьей, представившим доклад по данному делу, оказался судья JPPG, который публично заявил, что разговор между автором и Председателем Конституционного суда представляет собой противоправное деяние.

3.4 Автор напоминает, что судебный процесс над ней начался в 2008 году и продолжался до конца 2011 года, а с мая 2008 года она непрерывно находится в предварительном заключении. Она утверждает, что задержка в судебном разбирательстве была вызвана не проведением расследования, а временем, потребовавшимся для рассмотрения апелляций в отношении процедуры, которой необходимо было следовать, и определения компетентного судебного органа (коллегии присяжных или Провинциального суда). Это, по мнению автора, представляет собой неоправданную задержку в нарушении пункта 3 статьи 9 и пункта 3 с) статьи 14 Пакта.

3.5 Автор утверждает, что ее дело не было рассмотрено судом, созданным и установленным законом, в нарушение пункта 1 статьи 14. В соответствии со статьей 1 Органического закона о суде присяжных², этот орган компетентен преследовать в судебном порядке за убийства, а компетенция определяется по тому пункту обвинения, который влечет за собой наиболее суровое наказание. В статье 5 того же Закона предусматривается, что компетенция определяется по предполагаемому преступному деянию, независимо от участия или степени причастности обвиняемого, и распространяется на связанные с ним преступные деяния, если они были совершены с целью совершения других преступлений, содействия их совершению или в стремлении обеспечить безнаказанность. Автор считает, что преступление, связанное с угрозами, было связано с убийством, и поэтому компетенцию коллегии присяжных в ее случае следовало расширить.

3.6 Наконец, автор поясняет, что постановление Провинциального суда от 22 декабря 2011 года не могло быть обжаловано посредством подачи обычной апелляции, поскольку можно было подавать только кассационные жалобы в Верховный суд и апелляции по процедуре ампаро в Конституционный суд, причем автор подала и то, и другое, но это не считается рассмотрением дела во второй инстанции, что является нарушением пункта 5 статьи 14 Пакта. Автор напоминает, что в самом постановлении Верховного суда от 20 сентября 2012 года говорится, что кассационный суд не уполномочен пересматривать все представленные ему доказательства и что он не принял во внимание многие из аргументов, приведенных автором в ее апелляции. По словам автора, Верховный суд счел, что доказательства достаточно для вынесения ей обвинительного приговора, но сами доказательства не оценил. Автор ссылается на то, что Комитет неизменно занимал позицию, согласно которой кассационная жалоба не является рассмотрением дела во второй инстанции³. Что касается средства правовой защиты ампаро, то автор напоминает, что после внесения поправок в Органический закон о Конституционном суде в 2007 году более 95% поданных апелляций, как и в случае с ней, были отклонены. По мнению автора,

² Органический закон 5/1995 от 22 мая о суде присяжных.

³ *Гомес Васкес против Испании* (CCPR/C/69/D/701/1996); *Семей против Испании* (CCPR/C/78/D/986/2001); *Синейро Фернандес против Испании* (CCPR/C/78/D/1007/2001); и *Альба Кабриада против Испании* (CCPR/C/82/D/1101/2002).

по новой системе податель апелляции должен доказать наличие оснований для принятия его апелляции, в частности то, что апелляция имеет «особое конституционное значение», вместо того, чтобы доказывать отсутствие оснований считать апелляцию неприемлемой. Поэтому автор считает, что она не имела доступа к пересмотру вынесенного ей приговора вышестоящим судом в нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта.

3.7 На этом основании автор требует незамедлительного, эффективного и срочного восстановления нарушенных прав, а также финансовой компенсации, в том числе возмещения причиненного морального ущерба и расходов, понесенных в результате этих нарушений.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В своих вербальных нотах от 19 марта и 20 июля 2015 года государство-участник препроводило свои замечания, касающиеся приемлемости сообщения. Оно утверждает, что в соответствии со статьями 2, 3 и 5 (подпункты а) и b) пункта 2) Факультативного протокола сообщение является неприемлемым по причине неисчерпания автором внутренних средств правовой защиты, задействования другой процедуры международного урегулирования и необоснованности.

4.2 Государство-участник считает, что автор не исчерпала все внутренние средства правовой защиты, поскольку в своей кассационной жалобе автор ссылается на нарушение права на эффективную судебную защиту чисто номинально, говоря лишь о нарушении правовых норм, но не приводя никаких доказательств нарушения какого-либо основного права. В частности, в отношении утверждения автора о том, что двое из судей, которые рассматривали ее дело, не продемонстрировали должную беспристрастность, государство-участник указывает на то, что в соответствии с Органическим законом о судебной системе автор могла бы потребовать отвода судей, входивших в состав коллегии Провинциального суда. Государство-участник напоминает, что слушания проходили в девять различных дней, что давало автору достаточную возможность потребовать отвода того или иного судьи, как только ей стало известно, кто именно из судей будет ее судить. Кроме того, государство-участник заявляет, что ни в своей кассационной жалобе, ни в своем ходатайстве о применении процедуры ампаро автор не утверждала о предвзятости со стороны судей. Что касается нарушения ее права на слушание дела во второй инстанции, то государство-участник указывает на то, что автор не отстаивала это право ни в своей кассационной жалобе, ни в своем ходатайстве о применении процедуры ампаро и что она не подавала ходатайство о признании разбирательства недействительным в свете решения Верховного суда.

4.3 Комитет отмечает, что 12 декабря 2013 года Европейский суд по правам человека признал жалобу автора неприемлемой на том основании, что она не удовлетворяла критериям приемлемости, установленным в статьях 34 и 35 Европейской конвенции о правах человека. Проанализировав критерии приемлемости, изложенные в статье 35 этой Конвенции, государство-участник пришло к выводу о том, что единственным критерием, применимым к жалобе автора, является критерий, изложенный в пункте 3 а) этой статьи: «жалоба противоречит положениям Конвенции или Протоколов к ней, является явно необоснованной или представляет собой злоупотребление правом на подачу индивидуальных сообщений». Государство-участник делает вывод о том, что решение, принятое Европейским судом, подразумевало анализ Судом существа жалобы. Поскольку тема данной жалобы совпадает с темой сообщения, направленного Комитету, государство-участник считает, что сообщение является неприемлемым по смыслу статей 3 и 5 (пункт 2 а)) Факультативного протокола.

4.4 Государство-участник добавляет, что утверждения, содержащиеся в сообщении, были отвергнуты Конституционным судом на том основании, что не было совершено никакого нарушения основного права, которое могло бы быть защищено с помощью процедуры ампаро. Поэтому данное сообщение следует признать неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 В своих комментариях от 7 апреля 2015 года автор оспаривает утверждение государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым, поскольку оно уже было представлено другому международному механизму. Автор утверждает, что ее обращение в Европейский суд по правам человека отличается от настоящего сообщения тем, что оно касалось предполагаемых нарушений Европейской конвенции о правах человека. Кроме того, автор вновь заявляет, что Европейский суд никогда не рассматривал существо ее обращения, поскольку оно было отклонено на том основании, что оно не отвечало требованиям приемлемости, предусмотренным статьями 34 и 35 Конвенции, без объяснения причин.

5.2 Что касается утверждения государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, поскольку в своей кассационной жалобе она сослалась на право на судебную защиту лишь в общих чертах, то автор заявляет, что в своей кассационной жалобе она привела те же аргументы, которые были выдвинуты в Комитете. Что касается исчерпания средств правовой защиты в связи с утверждениями об отсутствии беспристрастности судей, то автор отмечает, что беспристрастность правосудия является процессуальным вопросом общественного порядка, который может оцениваться *ex officio* и на любом этапе, и что в соответствии с действующим законодательством судьи обязаны брать самоотвод в случаях коллизии интересов. Кроме того, автор утверждает, что она не была уведомлена о составе судебной коллегии до начала судебного разбирательства и что об отсутствии беспристрастности судьи она узнала неожиданно и совершенно случайно, когда ознакомилась с содержанием постановления Провинциального суда. Что касается неисчерпания средств правовой защиты в связи с предполагаемым нарушением права на слушание дела во второй инстанции, то автор утверждает, что ходатайство о признании разбирательства недействительным не будет эффективным средством правовой защиты, поскольку оно является исключительной по своему характеру мерой и что было бы нелогичным ходатайствовать об этом в рамках кассационной жалобы и жалобы по процедуре *amparo*, поскольку нарушение проистекает из неэффективности именно этих средств правовой защиты. Автор напоминает, что в своей кассационной жалобе и жалобе по процедуре *amparo* она прямо ссылаясь на право на разбирательство без неоправданной задержки, а также на право на равенство и законность в связи с применением к ней отягчающего обстоятельства, связанного с наличием родства.

5.3 Утверждение государства-участника о необоснованности сообщения основывается на решении Конституционного суда о неприемлемости. Вместе с тем автор утверждает, что эта процедура носит чрезвычайный и неэффективный характер и является средством правовой защиты чисто формально (пункт 3.6).

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

6.1 20 июля 2015 года государство-участник представило свои замечания по существу сообщения. В отношении нарушения принципа презумпции невиновности, о котором утверждает автор, государство-участник заверяет Комитет в том, что судебные власти страны прекрасно осведомлены о вытекающей из Пакта доктрине, согласно которой показания одного из обвиняемых сами по себе не могут стать основанием для осуждения, если только они не подтверждаются другими доказательствами. В этой связи государство-участник отмечает, что Провинциальный суд принял во внимание два других элемента доказательства, которые подтверждали показания обвиняемого. Первым элементом доказательства является наличие у автора явного мотива для убийства, основанного на вражде, которая существовала между автором и убитым из-за спора, связанного с опекой над их общей дочерью. Вторым элементом доказательства стали серьезные угрозы, с которыми выступила автор 31 января 2007 года, что было засвидетельствовано лицами, присутствовавшими при этих событиях. Наконец, Провинциальный суд подчеркивает, что единственной связью между обвиняемым и непосредственным исполнителем убийства (ESB) и

жертвой является автор. Провинциальный суд также проанализировал аргумент автора о том, что обвиняемый дал показания против нее, чтобы добиться смягчения наказания, и счел его несостоятельным, поскольку никто не стал бы участвовать в совершении столь тяжких деяний ради того, чтобы уклониться от ответственности за гораздо менее тяжкие деяния. Верховный суд также рассмотрел утверждения автора об отсутствии доказательной силы показаний обвиняемого. В своем постановлении Верховный суд счел, что наличие мотива и угрозы являются достаточными внешними элементами доказательства. Кроме того, суд напомнил, что между покойным и обвиняемым не существовало никакой связи, кроме как через автора. Верховный суд также отмечает, что обвиняемый CMG был оправдан не потому, что показания ESB были сочтены не вызывающими доверия, а потому, что не удалось найти конкретных внешних подтверждающих элементов, которые были обнаружены в случае автора. Государство-участник делает вывод о том, что у обвинения доказательств было достаточно и что они были подвергнуты надлежащей оценке соответствующими судебными органами в строгом соответствии с пунктом 1 статьи 9 и пунктом 1 статьи 14 Пакта.

6.2 Государство-участник оспаривает утверждение автора о том, что применение в ее случае положения об отягчающем вину обстоятельстве, связанном с наличием родства, представляет собой дискриминацию. В действующем Уголовном кодексе страны предусматривается возможность применения отягчающего обстоятельства не только к супругу или лицу, связанному аналогичными узами, но и к бывшему супругу, а это значит, что факт расторжения брака никакого значения в данном случае не имеет. Во всех случаях, когда факты прямо или косвенно связаны с таким союзом, наличие родства должно рассматриваться в качестве отягчающего вину обстоятельства. Поэтому государство-участник поясняет, что применение этого отягчающего обстоятельства не зависит от наличия или отсутствия интимных отношений. По мнению судебных органов страны, несмотря на то, что супруги разошлись, автор сообщения и ее бывший супруг продолжали поддерживать отношения в связи с опекуном и попечительством над их дочерью, что как раз и послужило причиной разногласий, приведших к совершению деяний, которые, как было установлено судом, были доказаны. Государство-участник добавляет, что учет в законодательстве этого отягчающего обстоятельства является законным решением, которое никоим образом не является нарушением Пакта.

6.3 Что касается утверждения о том, что судьи, которые рассматривали дело автора, не были беспристрастными, то государство-участник напоминает, что этот вопрос перед национальными властями не поднимался. Кроме того, оно считает это утверждение явно голословным, поскольку ничто не ставит под сомнение беспристрастность Провинциального суда, который является коллегиальным органом и который принял окончательное решение единогласно, при этом никто из судей не выразил особое мнение. Аналогичным образом, автор не оспаривала беспристрастность судей Верховного суда, которые оставили обвинительный приговор Провинциального суда в силе.

6.4 В связи с утверждениями о необоснованном затягивании судебного разбирательства в нарушение пункта 3 статьи 9 и пункта 3 с) статьи 14 Пакта государство-участник указывает на то, что автор не говорила о наличии задержек в ходе судебного разбирательства в первой инстанции. События произошли в марте 2007 года, автор была арестована 31 мая 2008 года, судебный процесс начался 15 ноября 2011 года, а приговор был вынесен 22 декабря 2011 года. Часть времени, действительно, была потрачена на решение вопроса о том, какой орган будет компетентен осуществлять уголовное преследование, однако государство-участник считает, что речь идет о принципиально важном вопросе, на рассмотрение, изучение и решение которого – в силу самого его характера – нужно время.

6.5 В отношении утверждения автора о том, что ее дело не было рассмотрено компетентным органом в соответствии с законом, государство-участник указывает на то, что в соответствии с постановлением Верховного суда от 20 сентября 2012 года по кассационной жалобе автора в данном случае нецелесообразно было рассматривать преступления, состоявшие в угрозах и покушении на убийство, отдельно от

преступления, состоящего в убийстве. Ни безусловные угрозы, ни покушение на убийство не подпадают под юрисдикцию коллегии присяжных. Верховный суд установил, что ни одно из условий, предусмотренных Органическим законом о суде присяжных для распространения юрисдикции суда присяжных, в данном деле не присутствовало, поскольку преступления, выходящие за рамки юрисдикции суда присяжных, не были совершены с целью совершения других преступлений, содействия их совершению или в стремлении добиться безнаказанности, как не было в данном случае идеальной совокупности преступлений или наличия в одном деянии признаков нескольких преступлений. Государство-участник добавляет, что, по мнению Верховного суда, автор признала юрисдикцию Провинциального суда, поскольку, когда поданная защитой в Высокий суд апелляция была отклонена, решение не было обжаловано в кассационном порядке в соответствии со статьей 666 и последующими статьями Закона об уголовном судопроизводстве. В этой связи государство-участник полагает, что, поскольку вопрос о юрисдикции в данном случае был тщательно изучен Верховным судом, Комитет не должен заниматься рассмотрением толкования внутреннего законодательства; вместо этого ему надлежит убедиться в том, что вынесенное решение не было произвольным и не привело к нарушению права на справедливое судебное разбирательство и на рассмотрение дела беспристрастным судом.

6.6 Что касается предполагаемого нарушения пункта 5 статьи 14, то государство-участник утверждает, что Верховный суд, вынося решение по кассационной жалобе, рассмотрел без каких-либо формальных ограничений каждый из аргументов, выдвинутых автором против постановления Провинциального суда. Верховный суд проанализировал предполагаемое нарушение принципа презумпции невиновности в связи с показаниями обвиняемого и изучил утверждения, касавшиеся неоправданного затягивания разбирательства, применения отягчающего обстоятельства, связанного с наличием родства, а также компетенции Провинциального суда. Кроме того, нет никаких указаний на то, что автор сообщения обращалась с требованием о предъявлении новых доказательств, которое было бы отклонено Верховным судом. Государство-участник считает, что в деле автора Верховный суд действовал в качестве суда второй инстанции.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно существа сообщения

7.1 17 ноября 2015 года автор представила свои комментарии к замечаниям государства-участника относительно существа сообщения. Касаясь предполагаемого нарушения принципа презумпции невиновности, автор настаивает на том, что показания обвиняемого должны были быть оценены сами по себе, с тем чтобы установить, достаточно ли они достоверны в качестве доказательства. Кроме того, как признается в самом решении, факт выплаты автором какого-либо вознаграждения обвиняемому за его участие в убийстве так и не был установлен, как не было установлено и то, кто именно контактировал с лицом, совершившим убийство. По этой причине, как утверждает автор сообщения, обвинение сняло пункт, связанный с выплатой вознаграждения, исходя из предположения о том, что одна лишь вероятность того, что обвиняемый непосредственно совершил убийство, могла бы привести к тому, что следствие не смогло бы вменить в вину автору совершение каких-либо противоправных действий. Автор вновь заявляет о том, что, если показания обвиняемого не были сочтены достаточно убедительными для подтверждения причастности СМГ к убийству, то их не следовало принимать во внимание и для того, чтобы сделать вывод о ее виновности. Кроме того, автор отмечает, что в свете постановления Провинциального суда существовали и альтернативные версии, связанные с причастностью неустановленных третьих лиц, которые не были достаточным образом изучены.

7.2 В отношении утверждения о том, что применение отягчающего обстоятельства, связанного с наличием родства, представляло бы собой дискриминацию, автор вновь заявляет, что это обстоятельство принимается во внимание при наличии интимных отношений и поэтому не может учитываться, когда эти отношения разорваны. Кроме того, автор вновь заявляет, что это отягчающее обстоятельство было применено к ней

ретроактивно, поскольку она рассталась со своим супругом до того, как поправка к Уголовному кодексу вступила в силу.

7.3 В отношении беспристрастности судей, которые рассматривали ее дело, автор отмечает, что государство-участник лишь заявляет, что судебный орган является коллегиальным органом и что Верховный суд оставил принятое им решение в силе. Вместе с тем она считает, что предвзятость судей не может быть устранена или подтверждена тем фактом, что другие судьи или другие последующие инстанции не находят, что в таких обстоятельствах беспристрастность отсутствовала.

7.4 Автор также вновь указывает на необоснованное затягивание судебного разбирательства по ее делу и отмечает, что государство-участник лишь заявило, что задержки были вызваны необходимостью определить процедуру, которой необходимо было следовать. Автор подчеркивает, что вопрос об определении процедуры, которой необходимо следовать, был поднят и отложен прокуратурой, которая подавала апелляции, несмотря на вынесение окончательных решений.

7.5 Что касается предполагаемого нарушения права на обращение в суд, определенный законом, то автор вновь заявляет, что ее не уведомили о решении по апелляции прокуратуры от 22 января 2010 года и что в любом случае эту апелляцию следовало отклонить, поскольку она была подана против окончательного решения. Кроме того, по словам автора, государство-участник лишь вскользь упоминает, что решение о слушании ее дела профессиональным судебным органом в порядке упрощенного производства было оспорено.

7.6 Автор опровергает утверждение государства-участника о том, что Верховный суд действовал в качестве суда второй инстанции, поскольку в самом решении говорится, что кассационный суд не уполномочен вновь изучать все доказательства, по которым вынесено решение судом первой инстанции. Утверждение о том, что Верховный суд действовал в качестве суда второй инстанции, будет означать, что он превысил свои полномочия.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

8.2 Комитет отмечает, что автор подала заявление относительно тех же фактов в Европейский суд по правам человека, и напоминает, что при ратификации Факультативного протокола Испания сделала оговорку, исключающую компетенцию Комитета рассматривать сообщения, которые рассматривались или рассматриваются в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

8.3 Комитет отмечает, что в письме от 12 декабря 2013 года автор была проинформирована о том, что суд, заседавший в составе одного судьи, постановил не принимать ее заявление к рассмотрению. В этом письме было сказано, что «с учетом всех находящихся в его распоряжении элементов и в той степени, в которой он компетентен принимать решения по представленным жалобам, суд постановил, что жалоба автора не отвечает критериям приемлемости, изложенным в статьях 34 и 35 [Европейской конвенции о защите прав человека]».

8.4 Комитет ссылается на свою правовую практику⁴ в отношении пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, из которой следует, что, если Европейский суд объявляет о неприемлемости не только на процедурных основаниях, но и по причинам, которые предполагают определенное рассмотрение существа дела, то следует считать,

⁴ См., среди прочего, дела *Ачабаль Пуэртас против Испании* (CCPR/C/107/D/1945/2010), пункт 7.3; и *А.Г.С. против Испании* (CCPR/C/115/D/2626/2015), пункт 4.2.

что этот вопрос был рассмотрен по смыслу соответствующих оговорок к упомянутой статье⁵. Вместе с тем Комитет также напоминает, что даже в тех случаях, когда жалобы были признаны неприемлемыми на основании отсутствия признаков нарушения, ограниченная аргументация, приводимая в решениях этого рода, не дает ему основания полагать, что Европейский суд рассмотрел дело по существу⁶. В данном случае Комитет отмечает, что в решении Европейского говорится лишь о том, что заявление не отвечает требованиям приемлемости суда, без каких-либо дополнительных разъяснений. Поэтому Комитет считает, что он не в состоянии с уверенностью определить, что дело, по которому проходит автор, было уже рассмотрено, хотя и ограниченным образом, по существу⁷, и приходит к выводу о том, что пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола не является препятствием для признания настоящего сообщения приемлемым.

8.5 Кроме того, Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что автор не исчерпала все внутренние средства правовой защиты в связи с ее утверждением о том, что двое из судей, которые рассматривали ее дело, не проявили должной беспристрастности, поскольку она не требовала отвода судей и не поднимала этот вопрос в своих кассационных жалобах и жалобах по процедуре ампаро. В этой связи автор утверждает, что вопрос о пристрастности судей может быть оценен *ex officio* и что об отсутствии беспристрастности судей она узнала неожиданно и совершенно случайно, когда ознакомилась с содержанием постановления Провинциального суда. Вместе с тем Комитет отмечает, что нет никаких свидетельств того, что автор включила это утверждение в свою кассационную жалобу в Верховный суд или в свое ходатайство о применении процедуры ампаро в Конституционный суд, причем оба эти ходатайства были поданы после уведомления о судебном решении. Поэтому Комитет считает, что автор не исчерпала доступные ей внутренние средства правовой защиты в отношении ее утверждений по пункту 1 статьи 14 о праве на справедливое судебное разбирательство, и считает эту часть сообщения неприемлемой в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

8.6 Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты в связи с предполагаемым нарушением ее права на слушание дела во второй инстанции. В этой связи государство-участник отмечает, что автор не отстаивала это право ни в своей кассационной жалобе, ни в своем ходатайстве о применении процедуры ампаро. Комитет ссылается на свою практику, согласно которой должны быть исчерпаны только те средства правовой защиты, которые имеют разумные шансы на успех⁸. В данном случае Конституционный суд неизменно отклонял ходатайства о применении процедуры ампаро, когда они подавались на основании нарушения права на пересмотр судебных решений, так что ходатайство о применении процедуры ампаро в связи с предполагаемым нарушением пункта 5 статьи 14 Пакта шансов на успех не имело⁹. Соответственно, Комитет считает, что в отношении утверждений, сделанных в соответствии с пунктом 5 статьи 14, внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

8.7 Комитет также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что утверждения автора не были достаточно обоснованы, как того требует статья 3 Факультативного протокола, и именно поэтому Конституционный суд отклонил ходатайство автора о применении процедуры ампаро. Однако государство-участник не уточняет, какие именно аспекты не были обоснованы автором в ее сообщении.

⁵ См. в этой связи дела *Махабир против Австрии* (CCPR/C/82/D/944/2000), пункт 8.3; *Линдерхольм против Хорватии* (CCPR/C/66/D/744/1997), пункт 4.2; и *А.М. против Дании* (CCPR/C/16/D/121/1982), пункт 6.

⁶ См. дело *Х. против Норвегии* (CCPR/C/115/D/2474/2014), пункт 6.2.

⁷ *Махабир против Австрии*, пункт 8.3.

⁸ См., например, дела *Гомес Васкес против Испании*, пункт 10.1; *Семей против Испании*, пункт 8.2; *Альба Кабриада против Испании*, пункт 6.5; *Прието против Испании* (CCPR/C/87/D/1293/2004), пункт 6.3; и *Вильямон Вентура против Испании* (CCPR/C/88/D/1305/2004), пункт 6.3.

⁹ Там же.

Комитет отмечает, что, как считает автор, применение в ее случае положения об отягчающем обстоятельстве, связанном с родством, представляло собой дискриминацию, но при этом она достаточным образом не объяснила для целей приемлемости, почему это обстоятельство к ее делу применять было нельзя. На этом основании Комитет считает, что автор сообщения недостаточным образом обосновала свое утверждение о дискриминации по смыслу пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Пакта, и делает вывод о том, что сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

8.8 Комитет считает, что остальные утверждения автора по пунктам 1 и 3 статьи 9 и пунктам 1, 2, 3 с) и 5 статьи 14 были достаточно обоснованы и отвечают другим требованиям в отношении приемлемости, и приступает к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что ее права по пункту 1 статьи 9 и пунктам 1, 2 и 3 с) статьи 14 были нарушены, поскольку она была осуждена на основании показаний одного из обвиняемых (пункты 2.11 и 3.1) и поскольку судебные власти решили, что ее дело должно быть рассмотрено в порядке упрощенного судопроизводства в профессиональном суде (пункты 2.7 и 3.5). Комитет отмечает, что государство-участник заявило в этой связи, что Провинциальный суд принял во внимание два элемента доказательств, подтверждающих показания обвиняемого (пункт 6.1), и что ни одно из условий, предусмотренных в Органическом законе о суде присяжных для расширения юрисдикции суда присяжных, в данном случае не было выполнено (пункт 6.5). Государство-участник добавляет, что Провинциальный суд и Верховный суд рациональным образом оценили доказательства, предъявленные стороной обвинения, в строгом соответствии с Пактом, а также вопрос о подсудности данного дела (пункт 6.1). Государство-участник утверждает, что Комитет не должен заниматься рассмотрением толкования внутреннего законодательства; вместо этого ему надлежит убедиться в том, что вынесенное решение не было произвольным и не привело к нарушению права на справедливое судебное разбирательство и на рассмотрение дела беспристрастным судом (пункт 6.5). Комитет отмечает, что эти утверждения автора касаются оценки фактов и доказательств, а также применения внутреннего законодательства судами государства-участника.

9.3 Комитет напоминает, что в соответствии с его установившейся правовой практикой оценка фактов и доказательств в принципе относится к компетенции национальных судов, если только она не была явно произвольной или не представляла собой отказ в правосудии¹⁰. Комитет отмечает, что Провинциальный суд проанализировал каждое из предъявленных сторонами доказательств по отдельности и рациональным образом. Оценка доказательств, произведенная Провинциальным судом, в свою очередь, была тщательно изучена Верховным судом, который пришел к выводу, что эта оценка была разумной и достаточной. В частности, в отношении действительности показаний обвиняемого ESB Комитет отмечает, что сам Провинциальный суд заявил, что эти показания должны быть дополнены другими доказательствами, и принял во внимание два элемента доказательств, подтверждавших показания обвиняемого, которые, в свою очередь, были еще раз изучены Верховным судом (пункт 6.1). Аналогичным образом, как Провинциальный суд, так и Верховный суд рассмотрели заявления сторон в отношении процедуры, по которой должно было проведено разбирательство в отношении автора и других обвиняемых, подробным образом обосновав свои решения по этому вопросу

¹⁰ См. дело *Каньяда Мора против Испании* (CCPR/C/112/D/2070/2011), пункт 4.3; *Мансано против Колумбии* (CCPR/C/98/D/1616/2007), пункт 6.4; *Л.Д.Л.П. против Испании* (CCPR/C/102/D/1622/2007), пункт 6.3.

(пункт 6.5). Комитет считает, что представленная сторонами в ходе всего разбирательства информация не позволяет ему сделать вывод о том, что при оценке доказательств или толковании национального законодательства суды страны действовали произвольно, в связи с чем Комитет не вправе вмешиваться в это дело после того, как он убедился в том, что суды обосновали свои решения детальным образом и что нет отклонений от используемой ими линии аргументации¹¹. Поэтому Комитет не может сделать вывод о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пунктов 1 и 2 статьи 14. Поскольку утверждения о нарушении пункта 1 статьи 9 были тесно связаны с утверждением о том, что автор была осуждена по итогам судебного разбирательства без соблюдения надлежащих гарантий, предусмотренных в пунктах 1 и 2 статьи 14, и поскольку нарушения этой статьи установлено не было, Комитет делает вывод о том, что представленные факты не свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 9.

9.4 Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что ее судебное преследование было неоправданно и необоснованно затянуто, поскольку оно началось в 2008 году и продолжалось до конца 2011 года, а с мая 2008 года она находилась в предварительном заключении (пункты 2.5 и 3.4). Автор утверждает, что вопрос об определении процедуры, которой необходимо было следовать, был поднят и отложен прокуратурой (пункты 2.6, 2.7, 3.4 и 7.4). Государство-участник отмечает, что в ходе судебного разбирательства автор не жаловалась на эти задержки, и утверждает, что часть времени была потрачена на решение вопроса о том, какой орган будет компетентен осуществлять судебное преследование, что является принципиально важным вопросом, на рассмотрение, изучение и решение которого – в силу самого его характера – нужно время (пункт 6.4). Комитет отмечает, что с момента ареста автора до принятия соответствующего судебного решения прошло чуть более трех с половиной лет (пункты 2.5–2.8). Чуть менее чем через год, в сентябре 2012 года, было принято решение по кассационной жалобе автора, в котором решение Провинциального суда было оставлено в силе (пункт 2.10). Хотя рассмотрение затянулось из-за выяснения вопроса об адекватности используемой процедуры и поданных апелляций, Комитет отмечает, что максимальный срок для принятия решения по апелляции составил 10 месяцев, поскольку 6 апреля 2011 года Высший суд вынес решение по апелляции автора на решение Провинциального суда от 7 июля 2010 года. Комитет приходит к выводу о том, что апелляции, поданные обеими сторонами, были рассмотрены в разумные сроки и что продолжительность разбирательства в целом не представляется несоразмерной, учитывая тяжесть вменяемых в вину преступлений. Поэтому Комитет считает, что представленные факты не свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9 и пункта 3 с) статьи 14 Пакта.

9.5 Автор утверждает о нарушении пункта 5 статьи 14 Пакта, поскольку Верховный суд не провел полного пересмотра обвинительного приговора, вынесенного в отношении нее Провинциальным судом (пункты 3.6 и 7.6). Вместе с тем Комитет отмечает, что из постановления Верховного суда от 20 сентября 2012 года ясно следует, что Суд подробно пересмотрел оценку доказательств, данную Провинциальным судом, в частности в отношении обоснованности показаний обвиняемого ESB и наличия других подтверждающих доказательств, тем самым обосновав осуждение и вынесенный приговор (пункт 6.6). В этой связи Комитет не может прийти к выводу о том, что автор была лишена права на обжалование вынесенного ей обвинительного приговора и назначенного наказания в вышестоящем суде в соответствии с пунктом 5 статьи 14 Пакта.

10. Исходя из вышеизложенного, Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты не свидетельствуют о каком-либо нарушении статей Пакта.

¹¹ См. дело *У. против Испании* (CCPR/C/93/D/1456/2006), пункт 8.3.